

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

*Завершен огромный труд коллектива переводчиков и редакторов издательства «Высшей школы экономики». Впервые на русском языке вышел эпохальный труд Макса Вебера «Хозяйство и общество» в четырех томах. На последней странице обложки указано, что инициатором и идеологом проекта по изданию книги Макса Вебера на русском языке и редактором перевода выступил доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Л.Г. Ионин.
«Социологический журнал» публикует беседу с профессором Л.Г. Иониным.*

Л.Г. ИОНИН

МАКС ВЕБЕР ПО-РУССКИ. ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ПОНИМАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИКИ

Аннотация. В связи с выходом русского перевода «Хозяйства и общества» Макса Вебера в интервью ставится вопрос о взаимоотношениях социально-экономических взглядов Вебера и Маркса, анализируется позиция Вебера относительно возможностей создания, функционирования и перспектив социалистической экономики. Также исследуется важный вопрос о связи различных аспектов биографии Вебера с особенностями его теоретической позиции. В частности, подвергается критике концепция «железной клетки», служившая объяснением теоретических позиций Вебера в американской социологии XX века.

Ключевые слова: Макс Вебер; Вебер и марксизм; теория классов; формальная и материальная рациональность; Баварская республика; болезнь Вебера; железная клетка; мазохизм; теория модерна.

Для цитирования: Ионин Л.Г. Макс Вебер по-русски. Перспективы нового понимания социологической классики / Интервью подготовила Л.А. Козлова // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 109–123. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7055

Ионин Леонид Григорьевич — доктор философских наук, профессор, факультет экономических наук, НИУ «Высшая школа экономики».

Адрес: 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11, АУК «Покровский бульвар», каб. S1004. **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 * 27155. **Электронная почта:** ioninlg@gmail.com

Интервью подготовила: **Козлова Лариса Алексеевна** — кандидат философских наук, зав. сектором социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 120-87-52. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

ЛК (Л.А. Козлова): *Когда пролистываешь том за томом русское издание «Хозяйства и общества», поражаешься, во-первых, огромности труда Макса Вебера и, во-вторых, масштабности сделанного Вами. Это своего рода прорыв. Ведь за все три постсоветских десятилетия появились, если я правильно помню, всего два новых перевода Вебера: сборник «Политические работы» издательства «Праксис» [1] и первый том «Социологии религии» в переводе О.В. Кильдюшова, опубликованный издательством «Владимир Даль» [2]. А все многочисленные переиздания Вебера, появившиеся за этот период, представляют собой, по существу, просто перепечатку работ, опубликованных на русском языке еще в советское время, причем часто в неотредактированных переводах и с квазикомментариями в объеме информации, предоставляемой Википедией. Поэтому поражает казавшийся уже потерянным нашей наукой академический стиль Вашей работы: множество разного рода указателей, словарей и глоссариев, биографические и библиографические справки относительно упоминавшихся Вебером авторов и их книг и статей. Это ведь потребовало огромных усилий и времени?*

ЛИ (Л.Г. Ионин): Я рад, что Вы отметили именно эту сторону дела. Ведь Вебер писал более ста лет назад, академический ландшафт с тех пор глубоко изменился. Кроме того, он писал быстро, не оставляя сносок, примечаний и прочих атрибутов научной работы, не оставляя часто даже инициалов автора, которого упоминал. Как будто он опасался не успеть высказать все, что хотел высказать. Кроме того, его социология — это система его собственных, во многом специфических понятий, без разъяснения которых трудно понять смысл его работ. Не случайно в Стэнфорде в 2005 г. был издан Р. Сведбергом «Словарь Макса Вебера» [6]. Все это следовало разъяснить и довести до сведения русского читателя, что было иногда нелегким занятием. Например, один из упомянутых Вебером авторов не обнаруживался ни в Интернете, ни в доступных энциклопедиях. Немецкий коллега из города Бремена также не смог ничем помочь, но он связался с другим немецким коллегой, работавшим тогда в Школе права университета Сиднея (Австралия), который прислал мне верстку подготовленной им статьи, содержащей сведения об искомом персонаже.

Ну и конечно, проблемой стало научное редактирование переводов. Даже самые высококлассные переводчики не всегда справлялись с языком Вебера и с веберовскими понятиями. Не буду сейчас приводить примеры — а их множество! — чтобы не затягивать наш разговор. Я вообще на этих деталях останавливаюсь, чтобы показать, почему подготовка издания длилась так долго. Ведь сначала я намеревался положить готовый труд на стол в 2006 году — к 150-летию со дня рождения Вебера, а успел лишь к 100-летию со дня его смерти в 1920 году.

ЛК: *Все знают, что книга «Хозяйство и общество» была — неофициально, конечно, — признана социологической «книгой века». В Вашем предисловии сказано, что в 1997 году участников Всемирного конгресса социологической ассоциации попросили назвать главную работу, которая определила их мировоззрение. Большинство ведущих социологов мира назвали «Хозяйство и общество» Макса Вебера. Почему же в Советском Союзе эта работа не была популярной? Вообще, Вебер не был широко известен, и издание его работ началось практически только в 90-е годы прошлого века?*

ЛИ: Вообще-то оно началось в 1920-е годы, но тогда быстро завершилось. Это были ранние, важные, но, если можно так выразиться, не определяющие работы Вебера, посвященные в основном экономической истории. Они, наряду с некоторыми более поздними трудами, активно перепечатывались в постсоветское время.

Ну а ответ на вопрос, почему Вебер не был популярен среди советских социологов и практически не переводился и не издавался в советское время, самоочевиден. Как известно, в Советском Союзе господствующей идеологией был марксизм, а Вебера иногда называли «буржуазным Марксом», то есть фактически он рассматривался как альтернатива Марксу. По широте охвата проблем и глобальности видения он сравним с Марксом и полемизировал с последним, критикуя, прежде всего, экономический детерминизм. Вот пример: «Известное марксистское положение, будто ручная мельница требует феодализма, а паровая предполагает капитализм, во всяком случае, во второй своей части не совсем верно: паровая мельница без проблем встраивается и в государственно-социалистическую систему хозяйства. Однако в своей первой части это суждение совершенно ложно: ручная мельница пережила все мыслимые экономические структуры и политические «надстройки»» (т. 4, с. 159)¹. Из этого видно, что социолог Вебер был «ближе» к фактам, чем «социальный философ» Маркс, и не мог допустить столь широких, но при этом ложных обобщений.

Точно так же и в прочих аспектах исследования Вебер был конкретнее и точнее Маркса. Это касается, например, изучения классов буржуазного общества. По Марксу, есть два класса — буржуазия и пролетариат, и ход истории неумолимо ведет к революции в силу коренного конфликта их интересов. По Веберу, социальная структура общества гораздо сложнее, классовое деление гораздо более дифференцировано. Главное разделение здесь — классы владения и классы дохода. У тех, кто относится к классам владения, классовое положение определяется характером имущества, которым они располагают; это земля, рудники, машины, суда, ценные бумаги и т. д. По большому счету, это рантье, живущие за счет ренты с имущества. К классам дохода относятся те,

¹ Здесь и далее так оформляются ссылки на обсуждаемый четырехтомник русского перевода «Хозяйства и общества» М. Вебера. — *Прим. ред.*

кто получают доход из рыночного использования товаров и услуг: это торговцы, предприниматели промышленные и сельскохозяйственные, банкиры и финансисты, а также рабочие, обладающие какой-то квалификацией. И одни и те же вещи, и одни и те же деньги в этих двух разных классовых положениях даже именуется по-разному: в первом случае это состояние, во втором — капитал. У рантье есть состояние, у рыночного деятеля — капитал. Рантье получает доход со своего состояния, капиталист — прибыль с капитала.

Важно подчеркнуть две вещи. Во-первых, в каждом из этих двух типов классовых положений имеются как позитивно привилегированные, так и негативно привилегированные. К последним относятся в случае классов владения несвободные люди (рабы, крепостные), должники, «бедняки», а в случае классов дохода — рабочие. Во-вторых, — и это особенно важно — интересы представителей этих самых разных классов, даже относящихся к одному типу классового положения, например к классу дохода, отнюдь не всегда тождественны. В разных экономических и социальных ситуациях интересы, например, сельскохозяйственных предпринимателей и банкиров могут не только не совпадать, но даже противоречить друг другу. Капиталисты в одной отрасли хозяйства могут безжалостно разорять капиталистов в другой отрасли. В свою очередь, интересы капиталистов и рабочих в одной и той же отрасли могут коренным образом совпадать, когда, например, дело идет о выживании предприятия или отрасли в целом. Ну и так далее. Это довольно сложная система, и здесь, наверное, не стоит вдаваться в детали. Важно подчеркнуть, что в политэкономическом исчислении, так же как в идеологических расчетах, надо было учитывать не только собственность на средства производства и соотношение базис — надстройка, а гораздо больше факторов, чем это казалось сторонникам классического марксизма.

И еще одну вещь надо отметить — то, что Вебер называл антиномией формальной и материальной рациональности хозяйства. Это не совсем простая концепция, ее было бы уместнее описывать в статье, а не в нашем разговоре. Но все равно об этом надо сказать, потому что именно здесь раскрывается суть отношения Вебера к программам социалистического устройства общества.

Во-первых, что такое антиномия? В логическом смысле это принятие в качестве истинных двух взаимно отрицающих суждений, а в социологическом смысле — признание необходимости одновременной реализации двух типов социального действия, каждый из которых является отрицанием другого. В данном случае это действие, осуществляемое на основе формальной рациональности, с одной стороны, и действие на основе материальной рациональности — с другой.

Что такое формальная и материальная рациональность? У Вебера представление о двух типах рациональности связано с пониманием

терминов «формальное» и «материальное»; в самом общем смысле формальное — это то, что относится только к форме, будучи абстрагированным от материального, то есть содержания. Материальное, в противоположность формальному, — содержательное, относящееся к сути дела. Следовательно, формальная рациональность — это рациональность, так сказать, в себе и для себя, ориентированная только лишь на собственную наиболее полную и последовательную реализацию. Чистым типом такой рациональности применительно к праву служит известный принцип “*fiat justitia, pereat mundus*” (да восторжествует правосудие, пусть даже погибнет мир). Иная, материальная, рациональность ориентирована на рациональное преследование неких содержательных целей, принятие которых само по себе не есть рациональный акт. Получается, что оба типа рациональности состоят в антиномических отношениях: чем более последовательно реализуется один из этих типов, тем более он не соответствует требованиям другого.

И это хорошо видно на примере соотношения формальной и материальной рациональности хозяйства: чем более растет формальная рациональность хозяйства, тем менее оно ориентировано на потребности каких-то важных с социальной точки зрения групп; чем более учитываются интересы этих групп (принцип материальной рациональности), тем менее рациональным (в формальном смысле) оказывается хозяйство. Рассуждая о социализме, Вебер пишет, что перспектива возможной социалистической организации общества зависит от его способности создать рациональное, то есть строго бюрократическое управление по еще более жестким формальным правилам, чем при капиталистическом устройстве. И это в условиях, когда руководящую роль должны играть принципы материальной справедливости, то есть материальной рациональности.

ЛК: *Хочет ли прояснить, означает ли это для Вебера невозможность построения социалистической экономики?*

ЛИ: Почему же? Она вполне возможна. Плановая, централизованная, управляемая экономика вполне возможна. Но она оказывается жертвой вышеуказанной антиномии: это либо рациональная, то есть эффективная экономика, либо справедливая экономика, то есть ориентированная на интересы и потребности определенных социальных групп. Совсем уж упрощая, можно сказать так: либо справедливость, либо эффективность. Таков смысл описанной Вебером антиномии.

Ну и если вернуться к началу нашего разговора, легко понять, почему в Советском Союзе Вебер практически не издавался.

Да и вообще тот, кто знаком с идейной атмосферой в советской общественной науке, легко понимает, почему не переводился и не издавался человек, неоднократно заявлявший о своей фактической и идейной приверженности к буржуазному классу: «Будучи классово сознательным буржуа, могу констатировать это без тени смущения» [4].

Но цитируя эту самохарактеристику, нужно, конечно, понимать, что Вебер не относится ни к классу предпринимателей, ни — полностью — к классу рантье, как он сам их характеризует. Принадлежа семье прусских чиновников и вестфальских фабрикантов, он был сонаследником немалого семейного состояния, но в конце жизни испытывал финансовые трудности и, несмотря на тяжелые проблемы со здоровьем, вынужден был принять на себя нелегкие академические обязанности. Можно сказать, что он принадлежал скорее к некоему «среднему» классу, который находится «между» классами владения и классами дохода и занимает свою позицию «в силу наличия собственности и образования». Но сам он, упомянув этот класс (т. 1, с. 337), детально его не описал.

ЛК: Всегда, когда речь заходит о понимании современного мира, говорят о модерне. Макс Вебер был одним из главных идеологов и теоретиков модерна. Что такое модерн, по Веберу?

Я хотел бы начать ответ издалека. Известный философ и историк мысли Эрик Фёгелин, занявший, кстати, в 1958 году кафедру Макса Вебера в Мюнхене, пустовавшую со дня смерти последнего в 1920 году, причислял Вебера к «четырем великим», определившим суть эпохи буржуазного модерна [7]. Это, наряду с Максом Вебером, Карл Маркс, Фридрих Ницше и Зигмунд Фрейд. Но отличие самого молодого из них, то есть Вебера, от остальных состоит в том, что он «пророк без послания». Ни бесклассового общества, ни нового человека, ни освобождения влечений он не проповедует и, соответственно, не создает политической идеологии, не зовет к новому сознанию, политической революции, политическому активизму. Рисуемый им образ истории, говорит Фёгелин, напоминает о просвещенческой идее бесконечного прогресса разума, но отличается от последней тем, что прогресс этот понимается не оптимистически в духе приближения к конечному царству разума, а скорее как необходимость, «Ананке истории», отягчающая судьбу человечества. Как известно, в древнегреческой мифологии Ананке — персонификация рока, судьбы, предопределенности свыше. У Вебера прогресс разума — это рационализация жизни и мира, следствием которой становится не построение нового мира, а разрушение иллюзий, творимых мифом, религией, идеологией, и, соответственно, избавление от иллюзий.

Если перевести это в более социологизированные категории, можно сказать, что веберовский модерн — это социокультурная эпоха, ядром или смысловым стержнем которой является идея рациональности. Если совсем просто, это рациональная экономика, рациональная политика, регулируемая жесткими законами и правилами, и рациональная наука — вот троица, к которой можно свести характеристики эпохи модерна. А исторический путь к модерну — это история рационализации жизни и мира. Характеризуя этот путь, Вебер говорил

о «расколдовывании» мира. Прочь от магии, мистики, религии и прочего колдовства к рациональному познанию и расчету.

Это кратко о модерне. Но вообще-то модерн как таковой не относится к главным темам «Хозяйства и общества».

ЛК: *А какие темы здесь главные?*

ЛИ: Прежде всего, понимающая социология. Социология, по Веберу, должна основываться не на внешних наблюдениях за людьми, а на понимании их мотивов, внутренней логики их поступков. Понимающая социология старается увидеть, в чем состоит мотив человеческого действия, или, как говорил сам Вебер, его субъективно подразумеваемый смысл. Например, человек рубит дерево в лесу. Почему он так действует? Готовит дрова на зиму для себя, или хочет их продать? За одним и тем же комплексом действий стоят разные мотивы, которые многое говорят о социальной жизни. Применительно к данному примеру мы далее сможем решать, действует человек в рамках натурального или рыночного хозяйства. То есть речь пойдет об экономических институтах и идеологиях. И так далее. Таким образом, Вебер вводит в рассмотрение все многообразие идей, идеологий, мировоззрений, представлений, регулирующих человеческую деятельность, то есть все многообразие культуры.

Здесь же формируется вся веберовская система социологии и возникают знаменитые понятия, вошедшие ныне во все социологические учебники и хрестоматии: типы социального действия (рациональное и ценностно-рациональное), формы легитимности, типы господства и др. Это — в основном в первом томе.

Далее — во втором томе — учение о типах общностей и их историческом развитии от возникновения семьи и складывания новых типов общностей, основанных на рациональном интересе. История общностей в этом смысле — история становления структур рациональности. Рассматриваются домашняя общность, ойкас, этнические и политические образования, в частности партии и государства. Особого внимания заслуживает глава, посвященная религиозным общностям, представляющая собой, по существу, сжатый очерк социологии религии Вебера.

Третий том посвящен социологии права.

Четвертый том вышел совсем недавно под названием «Господство». У Вебера есть два термина — власть и господство. Власть — это реализация каким-то человеком или группой людей своей воли, независимо от обстоятельств. А господство — это власть, которая реализуется при согласии того, над кем господствуют. У человека, над которым господствуют, имеется свой мотив для подчинения. Когда мотив налицо, появляется господство, — например бюрократическое, когда человек подчиняется рациональному порядку, начальству. Или харизматическое, когда подчиняются вождю и пророку, который представляет

сверхчеловеческую силу. Идея харизмы как особой сверхчеловеческой одаренности — это идея Вебера, крайне важная для понимания современного мира.

В общем, этот четвертый том можно было бы назвать в духе Фуко или Ариеса — «История господства». Мне кажется, что это самое главное в «Хозяйстве и обществе».

ЛК: *Тема, которая постоянно интересует всех в связи с Максом Вебером, — это тема «Вебер и Россия». Вышла даже несколько лет назад брошюра «Вебер о России». Добавляет ли «Хозяйство и общество» что-нибудь к тому, что нам уже известно по этой теме?*

ЛИ: Одна из статей четвертого тома «Хозяйства и общества» — это запись выступления Вебера в Социологическом обществе в Вене как раз в день Октябрьской революции в России 25 октября 1917 года. Хотя в самой этой записи о России нет ни слова, вообще он писал о России неоднократно, а в «Хозяйстве и обществе» упоминал ее довольно много и часто. Маркс и Энгельс (особенно Энгельс) Россию очень не любили, потому что считали деспотией и угрозой Европе. В отличие от них Вебер относился к России с большим интересом. Он переписывался со многими русскими коллегами — Струве, Кистяковским, Туган-Барановским и др. — и ссылался на них в «Хозяйстве и обществе».

По некоторым сведениям, он даже выучил русский язык. Как глубоко он знал русский и насколько был сведущ в русской истории, остается только гадать. Русскую историческую и политическую терминологию он воспроизводит в немецкой транскрипции: *mestnitschestwo*, *wotschina* и т. п. Во всяком случае, именно от него я с удивлением узнал, проверив затем по Срезневскому и Фасмеру², что термин «продажа» (у Вебера *prodascha*) в древнерусском языке означал штраф, денежная пеня за преступление (т. 3, с. 179), то есть в терминологическом смысле то же, что немецкий *вергельд*. В то же время он путает Петра Алексеевича Романова, то есть Петра I, с его братом Федором Алексеевичем, а разрядные книги называет разрядными переписями (т. 4, с. 135).

Он рассматривает петровскую эпоху в контексте бюрократизации, анализирует русскую революцию 1905–1906 годов, считая ее последней великой крестьянской революцией.

Революция 1917 года как таковая не попала в сферу его политического анализа. Но множество высказываний Вебера относительно идеи «социализации», то есть обобществления или огосударствления хозяйства, можно считать косвенной оценкой революционной программы. Во-первых, это идея антиномии формальной и материальной рациональности, о чем мы подробно говорили в начале беседы. Во-вторых, его критика попыток реализовать плановое, или

² Имеются в виду «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера. — *Прим. ред.*

управляемое, хозяйство в относительно краткий период деятельности Баварской советской республики в 1919 году. Планированием в государственно-социалистическом стиле там занимался председатель экономического управления Центрального совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, впоследствии известный философ, участник Венского кружка логический позитивист Отто Нейрат. Первоначально баварское планирование, как и в России в 1918 году, ориентировалось на создание безденежного национального хозяйства (т. I, с. 151–158). Вебер оценивал эти попытки исключительно с точки зрения науки, полагая, что выбор пути развития — это ценностный, а не рациональный выбор, а потому не подлежит научной оценке. Иное дело — рассмотрение последствий выбора. Это уже в рамках возможностей науки.

В другом месте, еще до войны, Вебер писал, что не существует непроходимого барьера между меновой (рыночной) и плановой централизованной экономикой. «Теоретически — а в теории, как правило, специально берут экстремальные примеры — для проведения в жизнь социалистического способа производства не нужно менять ни единого параграфа наших законов, если, конечно, постепенное овладение средствами производства осуществлять не путем политического насилия, а путем свободных переговоров — проект, разумеется, в высшей степени маловероятный, но (теоретически...) ни в коей мере не бессмысленный. Правовой порядок с его аппаратом принуждения продолжал бы существовать, как и ранее, на случай, если потребуются принудительное воздействие для обеспечения обязательств, характерных для частнохозяйственного способа производства. Но этот случай никогда бы не наступил» (т. 3, с. 40).

В 1919 году во время революции Вебер как раз был в Мюнхене, приглашенный Мюнхенским университетом занять кафедру национал-экономии. Здесь уже оказалось недостаточно чисто теоретических соображений. Ситуация была на деле экстремальной. Поэтому его дискуссия с Нейратом — не схоластический спор, а вполне актуальное обсуждение практических мер.

Отсюда, наверно, его местами необъективная, пристрастная оценка деятелей революции. Так, не соглашаясь с Нейратом, он все же высоко оценивал как его идеи, так и мотивы и после разгрома революции свидетельствовал в суде в его пользу. В то же время он негативно, почти враждебно отзывался о первом премьер-министре Баварской республики — левом журналисте и харизматичном политике Курте Айснере, который был убит политическим противником 21 февраля 1919 г. (т. 1, с. 279–280). Возможно, это объяснялось тем, что Центральный совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Баварии резко противился назначению Вебера на кафедру национал-экономии в университет Мюнхена. «Пробить» назначение удалось лишь благодаря участию финансиста и экономического писателя Эдгара Яффэ, издателя

знаменитого «Архива социальной науки и социальной политики», а одно время — министра финансов Баварской советской республики.

Вообще, революция сыграла важную роль в биографиях всех ее участников. Например, представителем одного из лояльных республике полков в Центральном совете депутатов был «красноармеец» Адольф Гитлер, впрочем, довольно скоро перешедший на сторону «белогвардейцев».

ЛК: *Как я понимаю, Баварская республика сыграла важную роль в биографии Вебера. Нельзя ли, помимо теоретических вопросов, кратко очертить важные вехи и указать, если можно так выразиться, важные факторы его жизни и творчества?*

ЛШ: Макс Вебер умер в 1920 году, прожив всего 56 лет. Политически он принадлежал к национал-либералам, будучи противником кайзера Вильгельма II, был сторонником Рейха, то есть сильной Германии. Вообще-то, чтобы кратко охарактеризовать, как Вы сказали, важные факторы его жизни, можно просто процитировать название тысячестраничной биографии Макса Вебера, написанной Дирком Кэслером: «Макс Вебер: пруссак, мыслитель, мамин сын» [3]. Пруссак, мыслитель, мамин сын — вот (почти) исчерпывающий перечень этих факторов. Пруссак — это патриот, сторонник порядка, рациональной организации, строгой дисциплины. Мыслитель — человек в постоянном и неустанном интеллектуальном поиске. Мамин сын — это... мамин сын, человек в постоянной душевной и духовной близости с матерью.

Фактически Вебер и был маминым сыном, полным доверия и любви к своей умной, образованной и к тому же состоятельной матери. По ее совету Макс принимал все важные решения. В паре с сыном она была доминантной фигурой. В то же время отец — юрист и политик регионального масштаба — сочетал мужское легкомыслие с патриархальной установкой в отношении семьи. В этой семейной конфигурации сын любил мать и защищал ее от отца.

Сразу, конечно, приходит на ум фрейдовский эдипов комплекс. И даже нечто подобное отцеубийству Веберу пришлось пережить. Вскоре после женитьбы Макса и Марианны в 1897 году родители посетили молодую пару в Гейдельберге. Возник конфликт между отцом и сыном, сын защищал мать от попыток отца ограничивать ее личную свободу, вмешиваться в ее жизнь. Конфликт кончился тем, что сын, как пишет один из биографов, «вышвырнул» отца из дома, в Берлин отец вернулся один. А через несколько недель он умер в поезде, примирения не случилось.

Молодой Вебер не вынес этого груза. Через несколько месяцев с ним случился тяжелый нервный кризис, и началась роковая душевная болезнь, перевернувшая всю его карьеру и жизнь. Сначала ему пришлось ограничить свои профессорские обязанности на факультете в Гейдельберге, а потом, в 1903 году, — уволиться окончательно. Уже под конец жизни по материальным соображениям он был вынужден

читать в Венском университете столько курсов, что это было не под силу даже здоровому человеку. Болезнь выключала его из научной работы иногда сразу на много лет. О его болезни много написано. Современный психиатрический диагноз американских врачей: тяжелые депрессивные кризисы гиперномически структурированной нарциссической личности. Поясню: гиперномия — это утрированно правильное сверхнормативное поведение при депрессии.

Тем не менее он находил силы и время писать. За свою сравнительно недолгую жизнь (1865–1920) он написал очень много, в его академическом собрании около 40 толстенных томов. Это был энциклопедически образованный ученый и человек с феноменальной памятью. Он владел материалом насколько, что писал свои огромные по объему сочинения «из головы», без черновиков и без того, что именуют научным аппаратом. Позволю себе некоторое, может быть, чересчур резкое суждение: аппарат требуется интерпретаторам, Вебер был творцом.

ЛК: *Хочу развить свой вопрос о «факторах» жизни и творчества. По Вашему мнению, могут ли особенности личной жизни Вебера объяснить содержание его идей?*

Это очень трудный вопрос. Но я ответил бы, что скорее да, чем нет. Но такое объяснение — не простой прямой вывод, оно предполагает понимающее истолкование. На первый взгляд может показаться, что все логично: тяжелая болезнь, гиперномия, вопреки всему годы, проводимые за письменным столом, своего рода «железная клетка», в которой замкнута жизнь ученого, — отсюда как бы естественно вытекает тема пуританской этики протестантизма. Все ясно: образ жизни определяет направление творчества. Но коллеги ученого вспоминают листок на факультетской доске объявлений: «профессор, доктор Макс Вебер прочтет доклад на тему “Протестантская этика”. После доклада ветчина и бургундское». Даже если это объявление — шутка, оно точнее определяет стиль жизни Вебера, чем метафора железной клетки, выработанная его американскими интерпретаторами. Вебер любил путешествовать, умел быть и бонвиваном, и лукуллом.

Вдова ученого Марианна Вебер написала книгу о своем муже «Макс Вебер. Жизнь и творчество», которая переведена и издана у нас несколько лет назад. Но там не найти откровений о личном. Марианна была женщиной образованной, участвовала в суфражистском движении, и муж ей в этом помогал. Духовно они были очень близки друг другу, и Марианна искренне преклонялась перед мужем. Тем не менее их брак, скорее всего, был неполным, без физической близости, то есть тем, что иногда называют товарищеским браком. Из этого многими делался вывод о его неспособности к физической любви, вызванной болезнью, что подкрепляло и подтверждало мысль о «железной клетке».

Представления о жизни Вебера стали существенно меняться по мере публикации его писем в полном собрании трудов — Max Weber

Gesamtausgabe. То, что было известно на уровне слухов и непубличных сведений, внезапно обрело плоть. Например, всегда имя Вебера связывалось с именем Эльзы Яффé, урожденной фон Рихтхофен, жены одного из коллег Вебера — того самого упомянутого выше Эдгара Яффé. Но только после публикации более чем семидесяти писем Вебера к ней стал полностью понятен весь драматизм этого романа. В 1901 году красивая, умная и самоуверенная женщина защитила диплом у профессора Вебера, став одной из первых дипломированных женщин-специалистов по общественным наукам в Германии. В 1910 году завершилась ее бурная любовная связь с психоаналитиком Отто Гроссом, который помимо того был еще и писателем, анархистом, кокаином, поборником свободной любви и вообще человеком общеевропейской известности. Кстати, впоследствии Отто Гросс вместе с другим основоположником будущей сексуальной революции Вильгельмом Райхом по требованию самого Фрейда был исключен из Психоаналитического общества. Эльза же, не разводясь с мужем Эдгаром, вступила в новую, уже многолетнюю связь с младшим братом Макса, также социологом Альфредом Вебером. И примерно в том же году во время совместной поездки в Венецию Макс Вебер влюбился в свою бывшую студентку, что стало причиной острого конфликта. Зимой того же года Макс прервал все контакты с Эльзой, несмотря на то, что был крестным отцом ее сына от Отто Гросса.

Лишь в 1918 году они встретились вновь, и Эльза, продолжая быть женой Эдгара и не разрывая любовной связи с Альфредом, ответила на страсть Макса, остававшегося мужем Марианны. В отношениях с Максом она играла роль госпожи, домины, обожаемой своим эротическим рабом. Можно себе представить, как немолодой всемирно известный профессор тайно встречается в мюнхенском отеле с уже далеко не юной женой министра и подругой своего младшего брата и страстно молит ее о сладких поцелуях и болезненных укусах, ударах и унижениях. «Пойми, как подходит мне твоя *несентиментальная* манера... Она действует так сильно, веет мощным духом здоровой земли — и помогает», — говорится в одном из писем Эльзе [5]. И все это на фоне революции, споров с Отто Нейратом об огосударствлении экономики, убийства Курта Айснера, разгрома Баварской республики, а также подготовки к печати первого тома «Хозяйства и общества» и смерти матери. Макс Вебер — далеко не однозначный персонаж, он почти всегда под маской.

Все-таки можно ли сказать, что образ жизни или опыт жизни если не определяет содержание творчества, то сильно на него влияет? Думаю, что да, влияет. Во всяком случае, отношения с Эльзой — очевидный пример эротического господства. Думаю, что Фрейд, написавший книги о Леонардо («Одно раннее воспоминание Леонардо да Винчи») и о Достоевском («Достоевский и отцеубийство»), мог бы написать что-нибудь типа «Макс Вебер и отцеубийство» или «Макс

Вебер и эротическое господство». Или не Фрейд, а кто-то другой. Я уверен, что напишет.

ЛК: *Что ж, будем ждать такой книги. И позвольте еще один, последний вопрос. Не сочтите его неуместным, слишком прямым или даже грубым. Прошло сто лет со дня смерти автора книги и еще больше — со времени ее написания. Ладно, на Западе — в Германии, Америке и других странах, — там это элемент научной традиции, которая, по большому счету, не прерывалась. Но мы-то сто лет не знали Вебера, и что случилось бы, если б мы его так и не узнали? Конечно, это провокационный вопрос, давайте, я сформулирую его мягче: в чем необходимость для нас этой книги сейчас, через сто лет после смерти ее автора?*

ЛИ: Ну, во-первых, что такое сто лет, и можно ли назвать это прерыванием традиции! Это очень маленький промежуток времени. Многие современники Макса Вебера дожили до 70 — 80-х годов прошлого века. Эльза Яффé, например, умерла в 1973 году. Мне тогда было почти 30 лет. Если бы я жил в Германии, мог бы ее знать и как молодой научный сотрудник расспрашивать о знакомстве с Максом Вебером.

Кроме того, когда Вы спрашиваете, в чем необходимость книги Вебера «для нас», Вы, очевидно, имеете в виду не пресловутого человека с улицы, а «нас», то есть коллег — социологов, историков, обществоведов. А здесь уже вообще иные мерки. Для кого-то из ученых ведь и архаический Плиний Старший — современник!

Если же отвлечься от хронологического счета, можно сказать, что для отечественных обществоведов выход книги «Хозяйство и общество» должен иметь огромное значение. Для социологов, экономистов, юристов, историков и т. д. Хотя многое зависит от того, как читать. Читать научную книгу — особенно это касается Вебера — это большой труд. А сейчас ведь даже «лонгриды» в несколько страниц читают с трудом или вообще не читают. Кроме того, у меня есть опасение, что, поскольку политизированность сейчас зашкаливает, труд Вебера если и привлечет внимание общественности, будет в лучшем случае расхвачан на какие-то аргументы, локальные соображения в пользу той или иной политической позиции. Вебер ведь не считает, что Россия — это отдельная цивилизация, так же, впрочем, как и Китай или ислам. Человеческая цивилизация, по Веберу, едина, хотя, конечно, имеется множество ее разновидностей, и ее *mainstream* и высшее достижение — это рациональная европейская культура. Примитивизируя, можно сказать, что другие, неевропейские цивилизации — недостаточно развитые представители все той же единой культуры. То есть все мы на одном треке.

Но в то же время надо признать, что Вебер писал о европейской цивилизации не только как о «высшем», но и как об «уникальном» достижении человеческой культуры. А разговор об уникальности предполагает признание непохожести и отдельности европейской культуры в сравнении с другими культурами, то есть признание альтернативных путей развития.

Так что нельзя высказать на этот счет абсолютно уверенное суждение. Вот когда выйдут в русском переводе оставшиеся два тома «Социологии религии» Макса Вебера, дискуссия сможет стать более основательной.

Кроме того, сомневаюсь, что содержание «Хозяйства и общества» будет многими схвачено как целое. Если использовать язык современных интеллектуалов, историческая концепция Вебера — это метанарратив. Для постмодернистов это трудно и часто неприемлемо.

Конечно, читатель не найдет в этих книгах волшебного ключа к своей жизни, как в работах некоторых популярных психологов. Но современному интеллигентному читателю Вебер может дать ключ к пониманию крупномасштабных событий. То, что происходит с нами, — это только маленький эпизод глобального социального процесса. Так что, читая Вебера, можно задуматься о том, в каком пункте и на какой стороне истории ты находишься.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер М.* Политические работы 1895–1919 / [Пер. с нем. Б.М. Скуратова; Послесл. Т.А. Дмитриева]. М.: Праксис, 2003. — 421 с.
2. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / Пер с нем. и предисл. О.В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017. — 446 с.
3. *Kaesler D.* Max Weber. Preuße, Denker, Muttersohn. Eine Biographie. München: C.H. Beck, 2014. — 1007 S. DOI: 10.1515/hzhz-2015-0071
4. *Lohmann H.-M.* Der klassenbewusste Bourgeois // Frankfurter Rundschau [online]. Accessed 10.03.2020. URL: <https://www.fr.de/kultur/literatur/klassenbewusste-bourgeois-11220753.html>
5. *Graf F.W.* Max Webers geheime sexuelle Gelüste. Welt. Kultur [online]. Accessed 10.03.2020. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article109210623/Max-Webers-geheime-sexuelle-Gelueste.html>
6. *Swedberg R.* The Max Weber Dictionary. Key Words and Central Concepts. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2005. — 360 p.
7. *Voegelin E.* Die Größe Max Webers. München: Wilhelm Fink Verlag, 1995. — 138 S.

Дата поступления: 08.12.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. No. 1. P. 109–123. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7055

L.G. IONIN

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

L.A. KOZLOVA

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation.

Leonid G. Ionin — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Economic Sciences, NRU Higher School of Economics.

Address: 11, Pokrovsky Bulvar, Pokrovka Complex, National Research University Higher School of Economics, room S1004, 109028, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (495) 772-95-90 * 27155. **Email:** ioninlg@gmail.com

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Head of the Sociology of Science Section, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Address: 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (499) 125-82-57. **Email:** LarissaKozlova@yandex.ru

MAX WEBER IN RUSSIAN. PROSPECTS FOR A NEW UNDERSTANDING OF SOCIOLOGICAL CLASSICS

Abstract. In light of the release of the Russian translation of Max Weber's "Economy and society", the article examines the relationship between the socio-economic views of Weber and Marx, and analyzes Weber's position on the possibilities of the creation, functioning, and prospects of a socialist economy. An important question is also investigated about the connection of various aspects of Weber's biography with the peculiarities of his theoretical position. In particular, the concept of the "iron cage", which served as an explanation for Weber's theoretical positions in American sociology of the 20th century, is criticized.

Keyword: Max Weber; Weber and Marxism; class theory; formal and material rationality; the Bavarian Republic; Weber's disease; iron cage; masochism; modernity theory.

For citation: Ionin L.G. Max Weber in Russian. Prospects for a new Understanding of Sociological Classics. Interview prepared by L.A. Kozlova. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 109–123. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7055

REFERENCES

1. Weber M. *Gesammelte Politische Schriften 1895–1919* = Collected Political Writings 1895–1919. [Russ. ed.: *Politicheskie raboty 1895–1919*. Transl. from Germ. by B.M. Skuratov; Foreword by T.A. Dmitriev. Moscow: Praxis publ., 2003. 421 p.]
2. Weber M. *Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Vergleichende Religionssoziologische Versuche: Konfuzianismus und Taoismus* = The economic ethics of world religions: Experiences of the Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism. [Russ. ed.: *Khozyaistvennaya etika mirovykh religii: Opyty sravnitel'noi sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm*. Transl. from Germ. and Fore-word by O.V. Kil'dyushov. St Petersburg: Vladimir Dal' publ., 2017. 446 p.]
3. Kaesler D. *Max Weber. Preuße, Denker, Muttersohn. Eine Biographie*. München: C.H. Beck, 2014. 1007 S. DOI: 10.1515/hzhz-2015-0071
4. Lohmann H.-M. Der klassenbewusste Bourgeois. *Frankfurter Rundschau*. Accessed 10.03.2020. URL: <https://www.fr.de/kultur/literatur/klassenbewusste-bourgeois-11220753.html>
5. Graf F.W. Max Webers geheime sexuelle Gelüste. Veröffentlicht am 14.09.2012. *Welt Kultur*. Accessed 01.03.2020. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article109210623/Max-Webers-geheime-sexuelle-Gelueste.html>
6. Swedberg R. *The Max Weber Dictionary. Key Words and Central Concepts*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2005. 360 p.
7. Voegelin E. *Die Größe Max Webers*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1995. 138 S.

Received: 08.12.2019.